

КОНЦЕРТЫ АЛЬБЕРТА КОУТСА

Последними концертами филармонии дирижировал Альберт Коутс, ставший частым гостем Советского Союза. В ряду европейских дирижеров Коутс по праву занимает одно из первых мест. Высокая музыкальная культура, безукоризненный художественный вкус, тонкое чувство стиля, изумительное знание оркестра, умение довести до слушателя каждую ноту партитуры — неоспоримые достоинства этого выдающегося мастера.

Репертуар Коутса очень обширен и разнообразен. Однако не все ему в одинаковой мере удается. Героический пафос чужд Коутсу, и наоборот в лирических вещах он — в своей сфере. Прекрасно звучат у Коутса и произведения декоративного характера, художественная сила которых в яркой оркестровой красочности, в картинной изобразительности. Превосходно был сыгран, например, «Петрушка» Стравинского — великолепный образец программной изобразительной музыки.

Из других произведений, исполненных Коутсом, обратила на себя внимание «Поэма экстаза». Коутс провел ее в сравнительно мягких тонах, подчеркнув в ней не столько момент экстастического подъема, сколько моменты скрябинских «томлений».

Очень хорошо была сыграна и Брамсовская симфония, хотя она прозвучала, пожалуй, слишком спокойно даже для уравновешенного Брамса.

В программу своих концертов Коутс систематически включает произведения советских композиторов (он был первым исполнителем нескольких советских симфоний). На этот раз он показал хорошо знакомый московским слушателям концерт Шостаковича (в авторском исполнении) и недавно написанную вторую симфонию Кабалевского.

Кабалевский не принадлежит к числу формальных новаторов. Его музыка, с одной стороны, связана с классическими традициями, с другой — с русской народной песней.

Эти черты творчества Кабалевского очень ярко проявились и в его второй симфонии. Мелодические напевные темы заключены автором в четкую симфоническую форму, в которой чувствуется «широкое дыхание», есть умение создать цельное и длительное развитие музыкальной мысли без разрыва музыкальной ткани на отдельные, не связанные один с другим эпизоды.

Музыкальный язык симфонии Кабалевского нельзя назвать вполне самостоятельным. В известной степени в нем сказались и влияния Чайковского (его лирических, а не трагических произведений) и, пожалуй, Бородина.

Но эта связь с творчеством крупных мастеров прошлого не помешала Кабалевскому выявить в своей симфонии и черты собственного стиля.

Серьезность музыкальных мыслей и мастерство разработки их соединяются в симфонии Кабалевского с чрезвычайной доступностью. Эти свойства симфонии должны обеспечить ей, на наш взгляд, постоянное место в симфонических программах наших концертных организаций.

А. Роман.